

Изменение роли образования в условиях генезиса информационного общества

В российской науке, особенно экономической, до сих пор весьма сильны традиции оценки образования как сферы, в которой лишь используются для внешних (по отношению к материальному производству и увеличению денежных доходов агентов на микро- и макроуровнях) социальных нужд. Между тем, еще в период существования СССР в работах многих видных ученых (в том числе, академика Струмилина, который писал об этом уже в конце 20-х - начале 30-х годов) было показано, что образование - это сфера в которой создается (формируется) один из важнейших ресурсов экономики (не говоря уже о том, что это сфера развития человека - высшей ценности всякого гуманистического социума). Нельзя сказать, что ныне эта позиция забыта или преднамеренно игнорируется. В принципе, отечественная социальная и экономическая наука 90-х годов усвоила взгляд на образование как одну из отраслей сферы услуг, в которой (в соответствие с методиками принятыми в мире) создается валовый национальный продукт. Однако этот принципиальный подход весьма далек от того, чтобы стать реально господствующим в современной России и послужить основой для перелома отношения к образованию как одной из «затратных» сфер, которые лишь поглощают создаваемые в обществе блага и потому подлежат финансированию в последнюю очередь.

Между тем, взгляд на образование как одну из важнейших сфер, где не только «проедается», но и создается общественное богатство, характерен для практически всех современных работ западных ученых в этой области, хотя и там некоммерческое образование во многих случаях рассматривается лишь как одна из сфер, поглощающих доходы государственного бюджета.

Однако во второй половине XX века, а особенно - с 80-х годов, в мире постепенно происходит качественная переоценка роли образования в общественном развитии в целом и прогрессе производства и культуры - в частности. Последнее связано с признанием процессов генезиса так называемого Информационного общества (иногда его называют еще обществом знаний).

1. На пути к концепции постиндустриального (информационного) общества. Постиндустриальные тенденции и изменение роли образования в общественном прогрессе

Прежде чем остановиться на характерных для настоящего этапа трактовках информационного общества следует обратить внимание на то, что сходные с данной категорией квалификации нового качества общественного развития (акцент на развитии новых, не принадлежащих к материальному производству, сферах деятельности, развитии творческого содержания труда,

новых, выходящих за рамки индустрии, технологий и т.п.) появились задолго до того как стало общепринятым данное имя (информационное общество).

Оставляя в стороне многочисленные работы ученых-утопистов, писавших о будущем мире как царстве людей, занятых преимущественно творческой деятельностью (а это было общей традицией данного направления со времен Платона), заметим, что одной из наиболее обоснованных попыток показать эту тенденцию в XIX веке были работы марксистского направления. Безусловно, даже академические работы таких авторов как К.Маркс и Ф.Энгельс содержали немалую толику идеологических акцентов, но это не означает, что среди характеристик будущего общества, которое эти авторы обозначали термином социализм (коммунизм) ими не были выделены действительно теоретически обоснованные.

На наш взгляд, к числу последних можно отнести следующие.

В экономико-философских рукописях 1844 года наиболее заслуживающей внимание представляется характеристика процессов преодоления отчуждения. На первое место при этом К.Маркс ставит проблему отчуждения труда и самоотчуждения человека. Преодоление этого состояния, достижения нового качества деятельности, при котором подлинно гуманистические ценности и цели деятельности, равно как и его результат не отчуждены от человека, - эти черты напрямую корреспондируют с более поздними марксистскими идеями о творчестве и свободной деятельности как ключевых характеристиках будущего общества. Более того, как в уже упомянутых рукописях, так и в написанной несколько позднее с Ф.Энгельсом «Немецкой идеологии» он говорит вообще о смене труда творческой деятельностью, «устранении труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42, с. 91, 113, 242; Т. 3, с. 70). Существенно, что названные тезисы не просто провозглашаются, но и довольно аргументировано обосновываются этими авторами. Более того, положение о творчестве как деятельности, в принципе не отчуждаемой, требующей в силу этого новых форм социальной организации, управления и т.п. - этот тезис (правда, в существенно иных формулировках и конечно, без социально-политических выводов марксистов) получил, как мы увидим ниже, широкое признание в наше время.

В ряде последующих работ, в том числе и наиболее «идеологизированном» произведении этих авторов – «Манифесте коммунистической партии», но особенно подробно - в экономико-философских рукописях 1857-59 годов, содержится вывод о необходимости обеспечения в будущем обществе условий для свободного всестороннего развития личности, понимаемого как процесс, а не некоторый абсолютный результат. Этот тезис (опять же не как «основной закон коммунизма», а как вывод о необходимости постоянного повышения культуры человека и приобретения им широких базовых знаний, его переквалификации и т.п.) так же получил широкое признание в конце нынешнего столетия.

Наконец, следует отметить, что в уже названных рукописях, но особенно - в «Капитале» и написанном Ф.Энгельсом при участии К.Маркса «Антидюринге» формулируется неслучайно игнорировавшийся многими «ортодоксальными» марксистами вывод о том, что развитие машинного (в современной терминологии - индустриального) производства на определенном этапе должно привести к тому, что репродуктивный «живой» труд будет вытеснен машинами из материального производства, а человек будет осуществлять преимущественно научную и иную творческую деятельность (См. Там же, Т. 46, Ч.2, с. 213-220). В завершающем, 3 томе «Капитала» К.Маркс прямо сформулировал провидческий вывод о том что будущее общество будет лежать «по ту сторону» собственно материального производства, а важнейшее условие этого - сокращение рабочего времени (Там же. Т. 25, ч.2, с. 286-287). Этот вывод, так же обоснованный, а не просто провозглашенный более столетия назад, в определенной мере оказался провидческим: хотя человеческое сообщество весьма далеко от провозглашавшегося этим автором как будущее «царства свободы», тем не менее резкое сокращение удельного веса материального производства (до 1/3 в США к 1990 году - См. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М. Таурис, 1995, с. 246) вследствие роста производительности труда и сокращения рабочего времени стало в настоящее время общепризнанным фактом.

Безусловно, не следует преувеличивать достижения марксизма XIX века (а он далеко не сводится к упомянутым работам К.Маркса и Ф.Энгельса) в области исследования нового качества общественного развития, которое может обрести человечество по мере преодоления границ индустриального материального производства, но и забывать о важнейших из этих выводов так же было бы ошибкой.

И все же теории нового качества общественного развития, не связанные со сменой социальной формы (теории построения социализма и коммунизма), а опирающиеся на анализ материальных процессов и прежде всего - изменения в технологии, получили свое наибольшее развитие во второй половине XX века. В наиболее ярком виде они представлены в работах ряда авторов 50-х70-х годов, которые с некоторой долей условности можно подразделить на следующие группы.

Во-первых, «техницистские» (их иногда называют «технократические»). К этому направлению относятся Д. Белл, Г. Кан, З. Бжезинский), делающие акцент на научно-технический прогресс, изменения в технологиях и, вследствие этого, в организации производства и его структуре, качестве и образе жизни и т.п.

Во-вторых, концепции «катастрофизма» (Ж.Фурастье, Р.Хейлбронер и др.), в которых подчеркивалась неоднозначность позитивного воздействия научно-технического прогресса на развитие человечества и выделялись

многочисленные проблемы, которые ставят перед миром в целом и отдельными странами происходящие существенные изменения в общественной жизни.

В-третьих, теории, акцентирующие внимание на глобальных проблемах человечества (прежде всего укажем на разработки Римского клуба, в частности, труды А. Печчи, а так же более ранние, но никак не менее фундаментальные работы по теории ноосферы В. Вернадского и его последователей).

При всем многообразии подходов, возникших в этот период, следует признать, что наибольшее распространение поначалу приобрел термин «постиндустриальное общество», ставший одним из наиболее общепризнанных понятий, обозначающих начавшиеся в тот период качественные изменения в социальной и экономической жизни человечества.

Какие же объективные процессы начали разворачиваться во второй половине нашего столетия, дав основания для выдвижения всех этих концепций (позднее, отметим несколько забегая вперед, их круг был существенно расширен за счет теорий информационного общества, общества знаний, компьютерной революции и т.п.)?

Взяв за основу классификаций структуру социума (материально-технологические процессы, экономические и социальные отношения, правовые и политические феномены, социокультурная жизнь...), мы можем выделить следующие изменения, часто отмечаемые как в работах самих зарубежных авторов, так и в немногочисленных отечественных работах, анализирующих первых (См., например, Новая технократическая волна на Западе, Антипина, Иноземцев, Яковец).

В основе всех этих изменений лежит качественно новая роль науки и технологического прогресса, которые превращаются в XX веке (а особенно - во второй его половине) в важнейший фактор экономического и социального прогресса. При всем том, что оценки гуманитарной, социальной и экологической роли НТП (его воздействия на человека, общество, природу) существенно различаются, зависимость современного развития производства и общества от научно-технического прогресса практически никем не подвергается сомнению.

Появление и широкое распространение постиндустриальных технологий, основанных на преимущественном использовании не механической, а физической, химической и других форм движения материи. Типичными для новых технологий второй половины нашего столетия становятся такие свойства как гибкость, миниатюризация, вытеснение человека из непосредственного производственного процесса.

Вкупе с резким (примерно на порядок) увеличением производительности труда (особенно в развитых странах) развитие постиндустриальных технологий вызывает сдвиг в структуре общественного разделения труда и - шире - структуре общественного производства. Этот сдвиг состоит в том, что промышленность как таковая (а наряду с этим и вообще материальное производство) утрачивает свою доминирующую роль, которая постепенно

переходит к сфере услуг (отсюда и одна из разновидностей теорий постиндустриального общества - концепция «общества услуг»).

На уровне социально-экономических отношений и в сфере их институциональной организации во второй половине XX века также произошли радикальные изменения, достаточно тесно взаимосвязанные с развитием названных выше сдвигов в технологиях и структуре общественного производства. Прежде всего, следует акцентировать практически повсеместное распространение в развитых странах сложной системы социального ограничения, государственного регулирования и демократического контроля экономических процессов саморегулирования и прежде всего - современного рынка. Несмотря на характерную для конца XX века волну неолиберализма, реальные изменения в экономиках стран «золотого миллиарда» оказались не столь значительны, как это прокламируется авторами рейганомик и тетчеризма. Кроме того, в последние годы в Западной Европе стали заметны и контртенденции.

В институциональной организации экономической жизни так же происходят существенные изменения. На протяжении второй половины XX века сохраняющие свое господство транснациональные корпорации тем не менее существенно изменяют свою структуру, систему управления, подбора кадров, отношения с мелким и средним бизнесом. Как и в сфере технологических сдвигов, здесь ключевыми параметрами становится гибкость, быстрая изменчивость, активная реакция на изменения окружающей Среды, большая зависимость не только от экономических, но и от социальных процессов, глобальных проблем и т.д.

Наряду с сохраняющим свою роль крупными экономическими организациями в рассматриваемый период, а особенно с 80-х годов (период генезиса информационного общества, о котором мы специально будем размышлять ниже) в экономике развитых стран происходит своеобразный «ренессанс» мелкого бизнеса. Эта форма институциональной организации оказывается в ряде случаев более адекватна для развертывающегося «общества услуг», информационного общества и т.п.

Наконец, для экономических отношений современного мира становится крайне актуальным быстро растущий так называемый «третий сектор». Это сектор негосударственных и некоммерческих организаций (так называемые Non Governmental Organisations), включающих разнообразные общественные ассоциации (экологические, потребительские, профсоюзные и мн.др.), фонды, часто финансирующие особо важные для постиндустриального общества поисковые научные исследования, организации добровольного труда и т.п.

На уровне социальных структур практически общепризнанным для генезиса постиндустриального общества является развертывание новой социальной страты, для обозначения которой используются различные термины. Наиболее типичными из них являются «технократы» и «профессионалы». Многие ученые именно на этом делают акцент, размышляя

об «обществе профессионалов» и т.п. Впрочем, последнее более характерно для эпохи информационного общества, поэтому подробнее к этой теме мы вернемся ниже.

В целом социум и природа реагируют на такие сдвиги самым радикальным образом: на первый план выдвигаются так называемые «глобальные проблемы». Их анализ далеко выходит за рамки нашего предмета, поэтому ограничимся лишь акцентом на их значимости и непосредственном влиянии на социальное развитие.

Выше мы акцентировали влияние на прогрессивных изменениях, связанных с генезисом постиндустриального общества. Между тем в зарубежной и отечественной науке широко распространенной является позиция, подчеркивающая противоречивость этих процессов.

Начнем с того, что развитие постиндустриальных тенденций, свертывание материального производства и прогресс сферы услуг - все это далеко не линейные процессы. Более того, они сталкиваются с многочисленными контртенденциями. Среди последних выделим такие процессы как «перенос» индустриальных (а зачастую и некоторых доиндустриальных) технологий в развивающиеся страны, где на протяжении второй половины XX века наблюдаются активные процессы индустриализации, причем зачастую вторичной. Кроме того, рост сферы услуг в ряде случаев оказывается связан со своеобразной интеграцией индустриальных технологий и ручного труда как бы «внутри» этой сферы (это касается, например, таких отраслей как общественное питание, уборка городских территорий и утилизация отходов и много др.).

Противоречивость генезиса постиндустриального общества связана и с далеко неоднозначным влиянием научно-технического прогресса на человека, социум и природу. Важнейшим из проявлений этого негативного влияния стало появление и обострение глобальных проблем человечества.

Не менее сложна и динамика социальных последствий постиндустриальных тенденций. Наряду с нелинейным ростом социализации и гуманизации экономической жизни и смягчением (главным образом в 60-е - 70-е годы) социальных противоречий, переструктуризацией общества, появлением внутри класса наемных рабочих элитных групп технократов, - наряду со всеми этими процессами на лицо и мощные контртенденции. И это не только следствие уже упоминавшейся волны неолиберализма, характерной для 80-х - 90-х годов. Пожалуй наиболее мощной контртенденцией процессам социализации и гуманизации жизни развитых стран является обострение противоречий между «золотым миллиардом» и «периферией» человеческого сообщества, особенно в связи с укреплением так называемого «нового мирового порядка» и одноплюсной модели мира. Последние процессы вызывают обострение противоречий между движущимся в направлении постиндустриального общества Севером и остающимся преимущественно на стадии индустриального и даже доиндустриального общества Югом. Эти противоречия усугубляются и

достаточно заметными процессами деиндустриализации и в России и ряде других стран бывшего второго мира.

Тем не менее, генезис нового качества общественного производства, социальной жизни в целом хотя и является объективно противоречивым, нелинейным процессом, но для второй половины XX века именно он стал одной из важнейших тенденций общественного развития.

Наиболее важным для нашего исследования следствием названных выше изменений в развитии общества является резкое возрастание значения сферы образования как ключевой области постиндустриального социума. Ниже мы специально проанализируем взгляды наших зарубежных коллег, исследующих эти изменения, а сейчас выделим ряд существенных связей между развитием постиндустриальных тенденций и качественным изменением сферы образования и ее роли в экономическом, социальном и гуманитарном развитии во второй половине XX века.

Начнем с тезиса, характерного не столько для западных, сколько для отечественных исследователей, считающих, что в основе описанных выше качественных изменений в социальном развитии лежит изменение роли творческой по своему содержанию деятельности, а именно - превращение ее в основной фактор прогресса. Такой акцент был характерен для многих отечественных ученых еще в 60-е - 70-е годы (См., напр.: Батищев Г.С. Диалектика творчества. М., 1974; Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1979). Позднее он был вновь воспроизведен в работах А. Бузгалина (По ту сторону отчуждения. М., 1990), В.Иноземцева (К теории постэкономической общественной формации. М., 1995) и др.

Если мы признаем действительным это фундаментальное изменение в содержании человеческой деятельности (переход к доминированию - если не количественному, то качественному - творчества, новаторства по сравнению с репродуктивным трудом), то это означает существенные следствия для сферы образования. Последняя оказывается отраслью, где непосредственно «производится» важнейший «ресурс», «фактор» прогресса общества, развитие которого основано на творческой деятельности, а именно - новаторские, креативные способности человека. Можно в этой связи признать заслуживающей внимания гипотезу А. Бузгалина, что образование в этом мире будет играть роль, в чем-то аналогичную роли первого подразделения в индустриальных системах (напомним, это подразделение производит ключевой ресурс и фактор прогресса индустриального мира - средства производства).

Впрочем, даже если оставить в стороне отечественный подход, основанный на выделении творческой деятельности как основного начала постиндустриального общества, и рассмотреть перечисленные выше традиционно выделяемые в западной литературе характеристики постиндустриального общества, то и этот подход позволяет обосновать качественное изменение роли образования в современном мире.

Так, приоритет научно-технического прогресса уже оказывается основой для того, чтобы признать подготовку ученых и технологов (специалистов, профессионалов, технократов) приоритетным направлением общественного развития. Эта взаимосвязь выглядит очевидной и она была многократно обоснована теоретически как отечественными, так и зарубежными специалистами по проблемам научно-технического прогресса. Она подтверждается и эмпирически. Приведем лишь известный пример с произошедшим в США в конце 50-х годов реформированием всей системы образования в связи с фактом опережающего развития космических технологий в СССР.

Не менее «прозрачными» являются и взаимосвязи между необходимостью приоритетного развития образования и другими чертами постиндустриального общества.

Наконец, развитие постиндустриальных тенденций вкупе с процессами социализации и гуманизации общества (при всей нелинейности этих тенденций) обуславливает ряд параметров образовательного процесса, которые ранее не выдвигались обществом как императив.

Важнейшие из этих параметров - обеспечение, если так можно выразиться, социально гарантированного минимума образования. Последний должен реализовать не только некоторый уровень социальной справедливости в области доступа к знаниям (что диктуется природой социального государства, социальной рыночной экономики), но и решить в некотором смысле прагматическую задачу «утилизации» способностей всех тех граждан, кто потенциально способен стать новатором и/или высококвалифицированным специалистом. Для достижения таких параметров, как минимум (в развитых странах этот минимум уже «раздвинут»), необходимы всеобщее обязательное среднее образование и некоторый набор механизмов, обеспечивающих бесплатное специальное профессиональное и высшее образование для особо одаренных лиц, а так же систему постоянного повышения квалификации и переподготовки работников.

Последнее, по-видимому, требует специального комментария. Научно-технический прогресс и массовое внедрение гибких технологий, вообще возрастание динамики социально-экономической жизни, свойственные постиндустриальному обществу, прямо обуславливают постоянную изменчивость структуры общественного производства, а значит и структуры рабочих мест. Если к этому добавить рост сложности производства и техническое перевооружение (оптимальный срок обновления оборудования в большинстве сфер ныне 5 - 7 лет), обновление и повышение качества продукции, то окажется, что одним из важнейших параметров гибкого и динамичного постиндустриального общества становится (по мере его возникновения) постоянное переобучение, повышение квалификации и переквалификация работников. Все это превращает образование из области, ориентированной преимущественно на особый слой населения - детей и

юношество - в область жизнедеятельности практически всех работников на протяжении всей их жизни.

Кроме того, прогресс технологий и сокращение материального производства, в конечном итоге - сокращение рабочего времени, оказывается одной из причин резкого возрастания такой области общественной жизни как досуг. Акцент на этой сфере весьма характерен практически для всех исследователей постиндустриального общества. Массовое включение граждан в активность в этой сфере предполагает изменения многих параметров образовательного процесса, который должен стать частью досуга не только подрастающего поколения, но и лиц всех возрастов. Между тем образование как часть досуга должно стать и становится процессом и институтом существенно отличным от образования как сферы подготовки специалиста.

Наконец, развитие постиндустриальных тенденций (базирующееся, в частности, на прогрессе творческого содержания деятельности, экспансии НТП) является одним из факторов, превращающих свободное всестороннее развитие человека в самостоятельную и высшую социальную ценность. Вместе с тем это должно стать и высшей целью, которую призвано реализовывать управление обществом (на интернациональном, государственном, региональном и т.п. уровнях). Достаточно легко отсюда сделать вывод, что и перед образованием в этой мере стоять задача формирования не только высококвалифицированного специалиста, сколько личность, обладающую некоторым минимумом универсальных знаний и, главное, высокими способностями к новаторству, творчеству, обучению и переобучению на протяжении всей жизни и все убыстряющимися темпами. Все это обуславливает необходимость новых технологий образования и новых отношений в этой сфере, изменения институциональной и законодательной базы образования, организационных форм и управления.

Другое дело, что генезис постиндустриального общества - это противоречивый и нелинейный процесс, что было подчеркнуто выше. Особенно это касается таких тенденций как, например, развитие "общества услуг". С одной стороны, сокращение индустриального материального производства, основанного на труде средней квалификации, требующим 8 - 12 - ти летнего образования, можно было бы считать позитивным процессом. Однако, с другой стороны, в секторе услуг зачастую наиболее массовым становится не более, а менее квалифицированный труд. Последний можно назвать трудом «слуг», занятых деятельностью, требующей относительно низких профессиональных и общекультурных знаний.

Кроме того, весьма противоречиво на прогресс образования и возрастание его роли в общественном развитии влияет процесс углубления общественного разделения труда и углубления специализации подготовки специалистов, что негативно сказывается на прогрессе универсальности, всесторонности развития личности, излишне «технологизирует» образование, превращая его в придаток той или иной производственной (пусть даже и постиндустриальной) функции.

2. Информационное общество: природа, основные черты, влияние на развитие образовательных процессов.

Начиная с конца 70-х годов, а особенно в последнее десятилетие в тенденциях, которые ранее описывались как генезис постиндустриального общества, произошли некоторые изменения. Они были связаны с тем, что главной сферой технологического и социально-экономического прогресса оказалось производство, хранение и передача информации. Компьютерная и, шире, информационная революция, проникновение персональных компьютеров и телекоммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества (в том числе - в образование) и на все уровни социальной организации (от ребенка до аппарата ООН), превращение информационных технологий в неотъемлемый фактор не только прогресса, но и жизнедеятельности общества (укажем хотя бы на то, что авария в информационных сетях ныне приведет к катастрофе сравнимой с коллапсом всей индустрии) - все это поставило ученых перед задачей осмысления этой новой реальности.

Неслучайным поэтому является появление обширной литературы по проблемам информационного общества (общества знаний и т.п.), в которой дается широкий набор черт и характеристик этого общества.

Прежде всего заметим, что возникновение информационного общества не отрицает, но, напротив, развивает те основные тенденции, которые были характерны для генезиса постиндустриального общества. Поэтому все сказанное выше об изменении социальных процессов в целом и образования, в частности, на основе краткой систематизации изменений, характерных для всей второй половины XX века, в основном остается справедливым и для периода генезиса информационного общества - последних десятилетий нашего столетия. Так, один из ведущих теоретиков постиндустриального общества Д.Белл в 1980 году подошел к выводу, который можно интерпретировать как своеобразное вращение постиндустриального общества в информационное (См. Bell D. *The Social Frameworks of the Informational Society.*, Oxford, 1980) . Однако в характеристиках информационного общества имеются и существенные дополнения.

Прежде чем начать их простейшую систематизацию, отметим, что многие западные исследователи и идущие по их стопам отечественные ученые считают, что информационная революция началась задолго до 80-х годов, когда понятие «информационное общество» стало широко распространенным. Так, А.Ракитов, анализируя технологические революции, которые переживало человечество, считает, что после первых трех (последняя - индустриальная), последующие четвертая и пятая были информационными. При этом четвертая произошла уже в конце XIX - начале XX века и была связана с созданием электрических устройств, быстро передающих информацию на большие

расстояния - телеграфа, телефона, радио и т.п. Пятая технологическая революция, так же касавшаяся прежде всего информационных процессов, произошла по мнению этого автора в середине XX столетия и была связана, естественно, с созданием компьютеров (См.: Свободная мысль, 1997, № 5, С. 89 - 90; См. так же: Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991).

Большинство авторов, в том числе признанные теоретики информационного общества, считают, что анализируемая нами революция началась гораздо позже и становится реальностью (в отличие от ее первых ростков) по мере превращения информационных технологий в ключевые, основные технологии общественной жизни.

Одним из ведущих теоретиков информационного общества считается Й. Масуда, выпустивший в 1980 году широко известную работу «Информационное общество как постиндустриальное общество» (Masuda J. The Informational Society as Post-Industrial Society. Tokyo, 1980). Ученый выделяет четыре этапа генезиса информационного общества, начиная с 1945 года, однако он отмечает, что только с 1970 года компьютеры постепенно становятся элементом повседневного труда и жизни значительных масс населения во всех основных сферах экономики. К числу видных теоретиков информационного общества относится так же Дж. Несбит, делающий акцент на развитии телекоммуникаций («телекоммуникационная революция») и влиянии этого процесса на различные стороны человеческой жизни (См.: Naisbit J. Megatrends. Ten Directions Transforming our Lives. N.Y., 1982). С конца 80-х годов и особенно в 90-е годы на Западе, в Японии, а так же в России появляется значительное количество работ, анализирующих основные черты информационного общества (См., например: Mails I. Information Technologies and Information Society. L., 1988; Martin W. The Global Informational Society. 1995; Norman A. Informational Society. 1993; Аверин В. Экономика компьютеризации производства. 1990; Ракитов А. Философия компьютерной революции. М, 1991).

Ниже мы выделим ряд важнейших характеристик информационного общества, синтезировав перечни его черт, характерные для основных теоретиков, исследующих эту проблему.

Прежде всего следует подчеркнуть, что основой возникновения информационного общества стала так называемая компьютерная революция. Констатация этого феномена является общим местом, но существенны (повторим это еще раз) такие свойства компьютера как способность перерабатывать огромные объемы информации с большой скоростью и точностью и чрезвычайно сложным образом (эти свойства подробно раскрывает, например, П.Бартон - См.: Barton P. Informational Technology and Society. L., 1992).

Вторая важнейшая характеристика изменений в технологиях, характерных для информационного общества - это широкое распространение телекоммуникаций и информационных сетей. Первое обеспечивает

невероятную прежде (подчас всего несколько минут или даже секунд, требующихся для ввода и считывания информации, достаточны для передачи «товара» на другой конец земного шара) скорость «транспортировки» гигантских объемов продукции (информации). Второе является основой для опять же невиданного прежде уровня технологического обобществления как самих процессов производства, так и его результатов (в данном случае мы как бы «переводим» на язык прежней науки современные процессы).

В результате для информационного общества становятся характерны и другие радикальные изменения на уровне технико-производственных и технологических процессов. Основным благом (этот термин типичен для западной литературы по данной проблеме), создаваемым и используемым в этом обществе становится информация (в ряде работ - знания; сразу подчеркнем, что эти понятия далеко не тождественны). Соответственно ключевыми звеньями технологии в таком обществе становятся различного типа компьютеры и телекоммуникационные системы, объединяемые в сети. Многие авторы (в том числе, Й. Масуда) подчеркивают среди важнейших такое ключевое отличие информации как продукта и ресурса от обычных материальных благ как ее «неуничтожимость», что существенно меняет как природу ее создания и потребления, так и отношений, возникающих по этому поводу.

Под влиянием развития компьютерных технологий и телекоммуникаций существенно изменяется и структура общественного производства. Широкое распространение информационных процессов приводит к резкому возрастанию роли отдельных работников, вооруженных компьютерами и включенных в информационные сети. В этом случае происходит, с одной стороны, индивидуализация деятельности и разрушение характерных для машинного производства коопераций труда, обусловленных господствующими индустриальными орудиями труда. С другой стороны, на место прямого взаимодействия ограниченного числа работников в рамках бригады (цеха, предприятия) приходит включение оператора в информационные сети, в которые объединяются многие миллионы пользователей. Тем самым в информационном обществе реальностью становятся два взаимосвязанных процесса: индивидуализации деятельности и прогресса всеобщего труда.

На этой основе прогнозируется и дальнейшее развертывание радикальных изменений в природе «первичного производственного звена». Соединение широкого распространения относительно дешевых и мощных персональных компьютеров с массовым развитием телекоммуникаций и доступностью для пользователей информационных сетей позволяет перейти (а этот процесс уже начался, что подчеркивают практически все выше упомянутые исследователи информационного общества) от системы фабрик, заводов, гигантских офисов к работе «на дому». Формирование системы так называемых «электронных коттеджей», объединяемых в «электронные деревни» может стать основой для новой структуры производства в информационном обществе.

Среди важных структурных изменений, характерных для информационного общества, следует так же выделить образование «первичных» и «вторичных» информационных секторов. Первичный сектор связан с производством информации как таковой (уже в 60-е годы Ф.Махлуп обосновал тезис о том, что стоимость товаров, произведенных в рамках первичного информационного сектора, должна включаться в валовый национальный продукт - анализ этой работы дан в упомянутой выше книге: Martin W. *The Global Informational Society*. 1995), вторичный - с производством продукции, необходимой для производства, передачи, потребления и хранения информации.

Среди социально-экономических последствий развития информационных технологий называется прежде всего широкое развитие новых рынков (как самой информации, так и средств ее производства, хранения, транспортировки и т.п.). Так, П.Садлер акцентирует внимание на именно второй стороне, добавляя к этому еще и изменение в форме организации и механизмах банковской деятельности, например, совершение операций с банковским счетом не выходя из дома (См.: Sadler P. *Managerial Leadership in Post-Industrial Society*. 1988).

Другим следствием становится заметное повышение производительности труда, что весьма противоречиво влияет на рыночные системы, вызывая, с одной стороны, снижение цен на ряд продуктов и услуг, с другой - создавая угрозу резкого сокращения рабочих мест.

Что касается влияния информационных технологий на социальные процессы, то здесь оптимисты предполагают широкий спектр позитивных результатов компьютерной революции. Одним из наиболее известных сторонников такого взгляда является вице-президент США Ал Гор. Выступая на конференции международного союза телекоммуникаций (Буэнос-Айрес, 1994) он, в частности, отметил, что ныне появилась возможность интеграции человеческих сообществ, возможность преодоления барьеров и расстояний в человеческом общении и т.п. При этом, по мнению Гора, частные инвестиции и корпорации вполне могут решить проблемы развития информационных технологий (см.: *Resisting the Virtual Life...*, S-Francisco, 1995, p. 17 - 18).

Подчеркнем, что преимущественно позитивные оценки процессов развертывания информационного общества и его последствий характерны далеко не для всех теоретиков и практиков, интересующихся этой сферой.

Во-первых, достаточно внушительной является критическое отношение к самому тезису массового и растущего распространения информационных технологий. При этом критике подвергается, естественно, не факт роста производства компьютеров и телекоммуникационного оборудования, а степень действительного изменения процессов производства и потребления под влиянием компьютеризации в основных секторах (в том числе и сервисе), за исключением так называемого транзакционного сектора (финансы, торговля, управление и т.п.). Подчеркивается, что в большинстве случаев за пределами

последнего сектора компьютер играет роль не более чем вспомогательного средства, мало изменяющего содержание труда и социальные отношения.

Во-вторых, значительная часть авторов, признающих широкое распространение информационных и - шире - постиндустриальных технологий, делают акцент на существенных отрицательных социально-экономических последствиях этих процессов. Весьма интересна в этом отношении книга Дж. Рыфкина «Конец работы» (Rifkin J. The End of Work. N.Y., 1995), где само название подчеркивает основной упор автора на сокращение рабочих мест и образование широкого круга лиц, вытесняемых из сферы трудовой деятельности под влиянием названных процессов. В том же направлении идут такие процессы как развитие неполной занятости, систематический рост безработицы и т.п. (Сразу же отметим, что ряд авторов, в том числе Р.Моррисон, отмечают, что в развитых странах, в том числе в США, происходит значительное увеличение вторичной занятости в результате чего сейчас реальная продолжительность рабочей недели достигла 47 часов - см.: Morrison R. We Build the Road as We Travel, 1991, p. 221).

Среди негативных последствий развития информационной революции так же постоянно называются такие феномены как недостаток актуального человеческого общения и вообще определенное замещение реальных человеческих отношений виртуальной реальностью. Весьма существенным негативным последствием считается так же воспроизведение неквалифицированного тяжелого труда, чреватого новыми профессиональными заболеваниями, на основе широкого применения компьютеров (введение данных и мн. др.).

Довольно серьезной критике подвергаются так же тезисы об изменении природы капиталистической экономики под влиянием компьютерной революции. В специальном выпуске журнала «Ежемесячное обозрение», широко известном в США, специально посвященном проблемам информационного общества, достаточно аргументировано доказывается, что и поныне господствующим в развитых странах остается крупный корпоративный капитал, а прокламируемое возрождение традиций мелкого производства, свободной конкуренции и реальной демократии в «электронной республике» есть не более, чем одностороннее освещение реальных процессов (См.: Monthly Review, 1996, N3, p. 40 - 41 и др.).

Мы могли бы продолжить этот анализ, ибо на Западе он включает многообразные детали и аспекты, но главные акценты уже сделаны и мы можем перейти к решению завершающей проблемы данного подраздела: рассмотрению влияния названных процессов на образование.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что практически все теоретики, пишущие об информационном обществе, специально выделяют образование как одну из ключевых сфер, обуславливающих его прогресс.

Далее, многие авторы, характеризующие примерно те же, что и перечислены выше, содержательные изменения, дают им несколько иное

определение, предпочитая квалифицировать их как переход к «обществу знаний» или «обществу профессионалов» (П.Садлер, Т.Сакайя и др. - См.: Sadler P. Managerial Leadership...; Sakaya T. ...1991). И здесь важно не только изменение имени, но и акцент на несколько иных сферах, где формируются профессионалы, «производятся» и усваиваются знания - прежде всего, науке и образовании.

Признание образования одной из ключевых сфер, в которой формируются важнейшие ресурсы и ценности нового общества, позволяет по-новому взглянуть на ее место в общественной экономической системе. выдвигание названными авторами тезиса о прогрессе «знаниеинтенсивной экономики», позволяет дополнительно обосновать положение об образовании как сфере не просто не «растрачивающей» общественные ресурсы, но создающей экономическое и социальное богатство, причем наиболее ценное для современных стран.

Кроме этих абстрактно-общих оценок следует выделить ряд других параметров, характеризующих изменение образования под влиянием информационной революции.

Одним из наиболее значимых является изменение технологии образовательных процессов. Последствия, связанные с широким распространением компьютеров в образовании широко известны, равно как и их влияние на интенсификацию образовательных процессов. Несколько менее распространены является акцент на возможностях «дистанционного» обучения и самостоятельного освоения знаний на основе широкого использования современных информационных сетей. В развитых странах довольно широкое распространение приобретает и особый вид заочного обучения, когда преподаватель общается со своим учениками при помощи компьютеров, соединенных соответствующей системой телекоммуникаций.

Среди важнейших последствий развития информационных технологий для образования следует выделить качественное увеличение потенциальной доступности знаний для широкого круга пользователей. При этом, однако, акцент на потенциальной доступности знаний нами был сделан не случайно. Во-первых, для большинства жителей стран, принадлежащих к «второму» и «третьему» мирам, широкий доступ к персональным компьютерам (особенно - для детей и молодежи) остается весьма и весьма затруднен. Во-вторых, и этот тезис особенно важен, современные социально-экономические системы, основанные на рыночных отношениях и частной собственности, создают многие специфические проблемы, порождаемые частной собственностью на интеллектуальные ресурсы, монополизацией ряда достижений высокой технологии, негуманным использованием новых технологий.

Наконец, хотелось бы особо подчеркнуть, что отмеченный выше лаг актуального человеческого общения, порождаемый развитием современных компьютерных технологий, оказывается особенно опасен в такой сфере как образование. Известно, что здесь происходит не только процесс усвоения

знаний и выработки профессиональных навыков. Образование - это процесс, где формируется и изменяется определенным образом личность человека. Между тем доминирование виртуальной реальности и опосредованного компьютером общения приводит к серьезным социально-психологическим деформациям, росту отчуждения и многим другим негативным последствиям.

Все это ставит существенные проблемы перед развитием образовательных процессов и ниже мы не раз будем обращаться к их анализу...

3. Гуманизация общественного развития: роль образовательных процессов.

Наряду с широким распространением теорий постиндустриального, информационного общества (общества знаний, общества профессионалов и т.п.) существуют и другие, как правило, несколько менее известные разработки, характеризующие генезис во второй половине XX века нового качества экономических, социальных и т.п. процессов (или необходимость такого генезиса для обеспечения эффективного и гуманного развития человеческого сообщества сегодня и в будущем).

Для понимания стратегических проблем образования нам представляется особо актуальной теория человеческой революции, освещенная в работах А.Печчеи (См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., Прогресс, 1985; Peccei A. One Hundred Pages for the Future: reflections of the President of the Club of Rome, L., 1982). Этот ученый и общественный деятель был первым президентом известной общественной исследовательской организации - Римского клуба, подготовившего серию докладов по глобальным проблемам человечества, что наложило существенный отпечаток на творчество А.Печчеи.

Он рассматривает «человеческую революцию» прежде всего как некоторый императив, вызванный к жизни именно глобальными проблемами современного человечества, среди которых наиболее значимыми являются экологическая, демографическая, конфликт Севера и Юга и другие. С этим связана специфическая методология автора - рассмотрение проблемы именно в глобальном, выходящем за рамки отдельной страны и короткого исторического периода контексте; синтетический анализ технологических, экономических, социально-политических и культурных проблем; первоочередное внимание к стратегическим проблемам и решениям, подчеркивание их приоритета.

Соответственно, человеческая революция рассматривается А.Печчеи именно как глобальное и целостное изменение человека и общественных условий, его формирующих. Целью этой революции, качественного изменения должно стать постепенное формирование как доминирующего такого типа личности, который был бы способен принять вызов глобальных проблем человечества и строить свою деятельность в мировом масштабе так, что решать, а не усугублять эти проблемы.

Среди важнейших шагов по пути решения этой проблемы, выделяемых А.Печчеи, мы хотели бы обратить, прежде всего, внимание на вопросы социальной справедливости и собственно развития образования.

По первому поводу автор замечает, что решение задач человеческой революции невозможно, если в обществе не реализуются экономические и нормативные механизмы, обеспечивающие социально-гарантированный минимум и социальный максимум. Обеспечение некоторого минимума доступа к социальным благам и среди них - образованию - рассматривается автором как условие формирования человека, способного отвечать за решение глобальных проблем и потому является глобальным императивом, а не только одним из аспектов социально-нравственного ограничения рыночной экономики.

Социальный максимум рассматривается основателем Римского клуба как одно из средств предотвращения глобальных катастроф вследствие перепотребления невозпроизводимых ресурсов, а так же как важнейший механизм человеческой революции и ответственности человека за решение общечеловеческих проблем, что не совместимо с расточительным потреблением.

Основные идеи этого автора были продолжены в многочисленных докладах Римского клуба, среди которых отметим как наиболее близкий к нашей проблематике доклад А.Кинга и Б.Шнайдера «Первая глобальная революция» (М., Прогресс, 1991). Первая глобальная революция рассматривается авторами как аналог промышленной революции. В результате этой глобальной качественной трансформации по их мнению должно сложиться качественно новое общество, которое сможет решить стоящие ныне перед человечеством проблемы. Существенно, что эту революцию авторы рассматривают как внеидеологическое общечеловеческое явление.

Важным для нас является акцент А.Кинга и Б.Шнайдера на то, что в настоящее время эта революция пока что прорывается в виде отдельных элементов, «очагов», «оазисов» (в последнем случае мы используем термин П.Абовина-Егидеса, который он применял к росткам нового общества).

Наконец, пожалуй, наиболее близкий к проблематике данного материала акцент авторов доклада - это тезис о том, что для решения проблем первой глобальной революции человечество должно выиграть в борьбе со своим главным врагом, которым является... - само человечество. Одно из ключевых средств здесь - формирование новых качеств человека (этот доклад во многом по своим парадигмальным установкам близок к книге А.Печчеи). В свою очередь, решение этой проблемы требует особого внимания к такой сфере как образование. Здесь, по мнению теоретиков Римского клуба, должны произойти существенные изменения. Авторы делают очень важный для нас вывод: человек работающий уходит в прошлое, ему на смену приходит «человек обучающийся». Этот тезис прозвучал еще в седьмом докладе Римскому клубу. В новом обществе обучение не будет сводиться лишь к приобретению и применению ими неких методических приемов, навыков, установок,

обеспечивающих лишь пассивную адаптацию человека к изменениям окружающей Среды. Системы обучения создадут условия для постоянного широкого обучения и переквалификации для ответственного решения всего круга стоящих перед общественным человеком проблем (Подробнее см.: Антипина О. Глобальные социально-экономические проблемы современности: взгляд Римского клуба // Альтернативы.- 1995.- №2.- С. 97-98).

Эти подходы авторов Римского клуба весьма важны для осмысления проблем образования в условиях качественно изменяющегося современного общества.

На наш взгляд здесь следует выделить прежде всего следующие аспекты.

Во-первых, современное общество должно стать «обществом обучающихся» если оно хочет решить задачи «человеческой революции» и ответить на вызов глобальных проблем.

Во-вторых, для решения этой «сверхзадачи» необходимо изменить сам подход к образованию, превратить его из сферы формирования более или менее грамотного и профессионального работника в область универсального воспитания человека, способного ответственно решать глобальные проблемы.

В-третьих, последнее предполагает изменение проблемного поля, целей и методов образовательной деятельности в данном направлении.

В-четвертых, образование должно количественно изменить сферу своего распространения, став деятельностью, затрагивающей практически всех граждан всех возрастов.

Наконец, образование при таком глобальном подходе превращается в проблему интернациональную (общечеловеческую) и стратегическую, долгосрочную (временные границы стратегических образовательных проблем должны быть соизмеримы с глобальными проблемами человечества).

Безусловно, далеко не все из этих императивов можно реализовать в стратегии образования той или иной конкретной страны уже сейчас и в полном объеме. По-видимому, это вдвойне справедливо для России - страны, находящейся в течение последних лет в глубоком социально-экономическом кризисе. Тем не менее, учет данных глобальных императивов не только возможен, но и необходим при формировании образовательной политики даже в нашей стране и даже сейчас.

Опубликовано в книге О.Н. Смолина «Знание – свобода». Российская государственная образовательная политика и федеральное законодательство 90-х годов. Систематизированный сборник. - М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999. – С. 230-240.